

Посессивность как маркер иберо-романского культурно-лингвистического континуума

А. В. Иванова
(Россия)

Resumen

El artículo demuestra que la *categoría de posesión*, que ontológicamente se extiende a diferentes esferas de la existencia humana y se ve expresada en el idioma mediante diversos medios gramaticales, constituye la piedra angular del espacio linguocultural ibero-románico. Las construcciones con *verba habendi* desempeñan un papel importante a la hora de formar la estructura de la oración simple en todos los idiomas ibero-románicos. Son un elemento clave de las proposiciones, cuyo núcleo conceptual se halla en el punto de intersección de las categorías de *posesión, existencia y localización*.

Попытки составить список так называемых «первоначал бытия» предпринимались со времен античности неоднократно (десять пар противоположностей Пифагора, категории Аристотеля и т. д.). В ряду последних – рассматриваемая нами *категория посессивности (обладания)*.

С философской точки зрения, категория обладания (наряду с категорией бытия) – одно из основополагающих, ключевых понятий, формирующих в человеческом сознании определенную концепцию видения окружающего мира. Альтернатива «бытие – обладание» занимает центральное место в религиозных учениях и философских трактатах. Посессивность относится к числу тех языковых концептов, субстрат которых (исходный пункт будущей идеи обладания) сложился еще в доисторический период (Топоров, 1983, с. 99), и с тех пор естественным образом является наиболее органичной и удобной моделью описания различного рода отношений, образуя ядро архаичной системы грамматических категорий, задающих основные пространственно-временные координаты. Параллельно происходил аналогичный процесс во внутреннем пространстве – выработка все более интенсивно субъектных ипостасей – становление личностного начала, ориентированного на максимум субъективности (Топоров, 1983, с. 103). Обращаясь к истории возникновения и развития глагола «иметь» в и.-е. языках, А. Мейе писал, что причина появления лексемы «иметь» была вызвана стремлением выразить действие как «активный и абстрактный процесс» (Meillet, 1923, с. 9-13).

Что представляет собой экспликация категории обладания, выражаемая глагольной лексемой «иметь» в индо-европейском социуме? Обратимся к фрагменту романа Виктора Ерофеева «Пять рек жизни», в котором есть глава с красноречивым названием «Иметь или быть», ср.:

«Золото Рейна - девиз обладания. Европа состоит из глагола иметь, из его спряжений и видов» <...> «Швейцария - это глагол иметь в натуральном виде. Швейцария - я имею. И она, действительно, все имеет; имеет подробно, солидно, суперсоциалистически <...> Швейцария имеет, имеет настолько, что на вопрос "Иметь или быть?" Швейцарии не ответить половинчато. Она не умеет быть, если она умеет иметь. Она раздавила "быть" под грузом "иметь"» <...> «Германия - мне надо иметь. Историко-

истерически, но с оправдательным оттенком: мол, так случилось, судьба: я вынуждена, но я и должна иметь» <...> «Франция - имею ли я, если имею? Наиболее изоциренная европейская формула, уклончивая, но ответ стремится исключительно к позитиву: имеешь! имеешь! <...> Изоциренность формулы несколько убивает практическая поспешность. Но зато: как красиво имеешь!» <...> - Русский-то вообще ничего не имеет, - прорвалась немка. - Даже братья-славяне, украинцы и белорусы, имеют. У него только есть.

(В. Ерофеев, 1998, с. 63 - 66).

Здесь в рассуждениях персонажей отчетливо эксплицировано противопоставление русского экзистенциального *миропонимания* европейскому *мирозахвату*, характеризующемуся на синтаксическом уровне активизацией высказывания, развитием широкой гаммы семантических функций глагола «иметь», восходящего к значению «держать» ← «хватать», преобладанием личных моделей над безличными и т. д. Последнее не является доминантой русского языкового сознания. В этом – не раз отмечавшаяся исследователями особенность русского национального характера и менталитета: не человек, не его активные действия являются причиной окружающих изменений, а некая неподконтрольная ему стихия, управляющая его решениями и поступками.

Сам принцип разделения языков на два типа: «языки-быть» и «языки-иметь», получивший развитие в работах Э. Бенвениста, ученика А. Мейе, свидетельствует о ключевой роли данных категорий в грамматической системе любого языка. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что развитие в сторону расширения функционирования глагола «иметь» свидетельствует о нарастании общей тенденции к *активизации высказывания* в целом и акцентуации субъектного начала при построении высказывания в языках по мере приближения к Атлантическому ареалу. Так, например, в тибетском можно, видимо, говорить о «нулевой активности» субъекта, так как подлежащее переходных глаголов в этом языке всегда выражается творительным падежом (не *я сделал*, но *мною сделано*), глагол всегда безличен, залоги – действительный и страдательный совсем не различаются, таким образом, что этому языку совершенно чужды представления подлежащего как чего-то действующего и дополнения как чего-то затронутого действием (Рерих, 1961, с. 136). В большинстве языков мира вообще не существует лексемы «иметь». Так – в алтайских, тюркских, финно-угорских, классическом грузинском и др. В кельтских языках в аналитических образованиях – только «быть». При этом неоднократно отмечалось, что «переходная» конструкция с глаголом «иметь» представляет собой ареальную черту так называемого «европейского языкового союза» (König E., Haspelmath M., 1998), в то время как локативная конструкция – «евразийская» особенность экспликации посессивности (Вайсс, 2004).

В структуре иберо-романского предложения доминирующую роль играет субъект, независимо от его реальной агентивной или фиктивной роли в ситуации. Предикативный центр простого предложения здесь имеет богатые конструктивные возможности, благодаря расширению границ классической бинарной схемы «быть»/«иметь» до четырех «гнезд», порождающих различные типы корреляций глаголов *ser / estar / haber / tener* по линии бытийности / обладания (Zélikov, 2007, с. 108-109).

Среди коррелирующих между собой синтаксических моделей построения высказывания, отличающихся, в зависимости от интенции субъекта речи, различной нюансировкой субъектно-объектных отношений, преобладает тенденция использования активных конструкций с глаголом обладания, не имеющая аналогов в других романских языках. Так, в итальянском - только два глагола: *essere* и *avere*. Исключение составляют лишь диалекты и, в частности, неаполитанский, в котором *tènere* заменяет *avere* почти повсеместно. *Avere* в свою очередь, заменяет *essere* при образовании сложных времен со всеми глаголами, в том числе с возвратными и глаголами движения. См. подробнее (Rohlf, 1966-69). Французский также не развил внутри своей глагольной системы оппозиции *habère* / *tenère*. Даже в самых ранних памятниках французской литературы следы конкуренции глаголов *avoir* и *tenir* отсутствуют (Друзина, 2005, с. 69). Корреляция типа исп. *ser* / *estar* во французском не отмечается, а *tenir* используется как конкретный глагол в первичном значении «держат» и в образовании перифраз не участвует. Еще в XVIII веке в статье «Истинные принципы грамматики» (1769 г.) Ц. Дюмарсе указал на «неестественность» тенденции выражения действия с помощью понятия *обладание* (посредством употребления глагола «иметь» в сочетании с существительным) (Du Marsais, 1769). Основываясь на данных французского языка своего времени, автор едва ли учитывал и мог предполагать, какие масштабы приобрела указанная им тенденция в соседних иберо-романских языках.

Несмотря на признание в отечественной иберо-романистике факта о преимущественном использовании носителями языка «посессивных» моделей по сравнению с экзистенциальными (Супрун, 1977: 182-185; Львовская, 1985: 174), парадигма синтаксических образований с глаголом обладания в языках пиренейской Романии до сих пор исследована лишь фрагментарно.

Как отмечают исследователи, «еще с романской поры имелось четкое разделение в употреблении глаголов *haber* и *tener*». Так, для обозначения владения землей и недвижимым имуществом по праву наследования (т. е. тем, что «дано», а не «взято» - прим. А. И.) в испанском употреблялся исключительно *haber*; глагол *tener* предполагал владение оккупированной землей, захваченным имуществом, сохраняя в этом случае остатки своего исконного значения (Друзина, 2005, с. 69).

В последующие эпохи удельный вес *tener* в языке менялся, на определенном этапе превратившись, «из помощника в узурпатора» (Seifert, 1930, с. 71). *Haber* сохранил семантику обладания и возможность самостоятельного употребления только в диалектах, так, например, в некоторых регионах Арагона (Hecho, Siresa, Urdués и Ansó), ср.: *La muller, ra que l'emos?* 'Женщина, для чего она нам?' (Seifert, 1930, с. 75). Пережитком некогда активного характера *haber* является также причастие *habido* = 'hallado', 'cogido', ср.: *el criminal no fue habido* «преступник не был схвачен», где *haber* точно соответствует каталанскому *heure* 'хватать'. Ср. также *haber* в форме герундия:

No es agradable que hables de crímenes sádicos, sobre todo habiendo señoras delante «Не очень приятно, что ты рассказываешь о садистских преступлениях, особенно перед дамами (букв. имея перед собой дам)»

(J. Marías).

Безличная экзистенциальная модель *haber* с дейктическим наречием *у* (= allí “там”): *hay cosas “есть (имеются) вещи”* в испанском в зонах, находящихся под влиянием каталанского, и в языке каталонцев-билингвов, в Арагоне, а также в Латинской Америке (Seco, 1986, с. 215) имеет черты личной псевдообъектной модели. Здесь отмечается определенная тенденция согласования *haber* с именем объекта, что придает последнему, как это ни парадоксально, характер подлежащего при безличном предикате.

В испанском следует обратить внимание на частотность компрессивной модели с глаголом *haber* в форме 1 л. ед. ч. и дейктического наречия *aquí* (he aquí...букв. “имею здесь...”), ср.: *He aquí un chisme utilísimo* «Есть у меня тут один анекдотец...» (M. Unamuno). В каталанском подобная модель строится не с глаголом *haver*, а с глаголом *heure* «хватать»: *heus aquí* (или *ací*), напр.: *Heus-la aquí* «Вот она».

Вариантом рассматриваемой модели является конструкция, в которую включено местоимение 2-го лица (собеседника, слушателя) в дативе: *hete* (*aquí*) (*que una vez...*) (“представь себе...”), ср. русск. разг. «Прикинь!»

В рамках личных моделей во всех иберо-романских языках широко представлены корреляции *tener* / *estar* и их вариантов по линии обладание / локативность со сменой субъектно-объектных отношений вне зависимости от одушевленности / неодушевленности субъекта и объекта, ср.:

исп. *La comida la tengo en la nevera*, «Мой обед в холодильнике» / *Mi comida está en la nevera*.

порт. *Tenho o almoço no frigorífico* / *O meu almoço está no frigorífico*.

кат. *El menjar ho tinc en la nevera* / *El meu menjar està en la nevera*.

С одушевленным объектом, ср.:

исп. *Te tengo cerca*, «Ты рядом со мной» – *Estás cerca de mí*.

порт.: *Aquí os tenho aos dois...* (Machado de Assis) «Они у меня тут (висят на картине) оба...» = *Aquí estão os dois*.

Следует обратить внимание на случаи максимально возможной активизации высказывания в испанском на примере глагола *tener* в локативной функции при включении в рамку основной структуры неодушевленного субъекта-обладателя-локализатора, ср.:

[*El río*] *tiene un puente en el mismo Talamanca...* ««В самой Таламанке есть мост (букв. ‘река имеет мост’)»» (R.Ferlosio).

В русском языке, если объектом является неотторжимая принадлежность, модель с глаголом *иметь* также возможна, ср.: В этом месте *река имеет изгиб*, однако если объектом является отторжимая принадлежность, то такая модель не используется, ср.: * В этом месте река имеет мост. В кат. и порт. таких ограничений нет. Ср.:

кат. *La cambra no té cap finestra* «В комнате нет ни одного окна» = *A la cambra no hi ha cap finestra*.

Еще одной характерной разновидностью настоящих моделей являются компрессивные модальные структуры, коррелирующие с безличными предложениями, ср.:

исп. *Eso tiene arreglo* «Это можно уладить» = *Eso se puede arreglar...*
кат. *Si el meu mal no té remei...* «Ведь мой недуг нельзя исцелить» = *Si el meu mal no es pot remeiar...*
порт. *O nariz não tem correção / O nariz não se corrige* «Нос нельзя исправить»

Также во всех иберо-романских следует отметить высокую частотность *атрибутивных моделей с tener* и фиктивным неодушевленным субъектом, ср.:

исп. *Es una vida que no tiene chiste* (R. Ferlosio) «Это какая-то безрадостная жизнь» = *vida que no es chistosa*.
кат. *El ciment tenia moltes esquerdes* (M. Rodoreda), «Цемент был очень растрескавшийся» = *El ciment era molt esquerdat*.
порт. *Tenho barulho em casa* «У меня в доме шумно» = *A casa está barulhenta*.

Функционирование моделей с глаголами обладания, производными лат. *habere / tenere* представляет собой своего рода континуум, ограничения в их употреблении возрастают на периферии иберо-романского ареала, тогда как в центре наблюдается максимально широкая вариативность. В восточной части – в каталанском – это еще не так сильно выражено, но *tenir* и здесь уже вступает в свои *активные* права, в отличие от французского по ту сторону Пиренеев. Если каталанский, по удачному выражению А. М. Бадиа-и-Маргерит, представляет собой, так называемый, *язык-мост* («*lengua-puente*») между иберо-романскими и гало-романскими языками (Badia Margarit, 1955, с. 22-23), а португальский демонстрирует примеры максимальной активизации (здесь уже не *me gustan tales mujeres* «мне нравятся такие женщины», но *eu gosto dessas mulheres* «то же»), то кастильский вариант испанского является своего рода «*кузницей*» грамматических форм иберо-романских языков, аккумулирующим тенденции соседних языков, оставаясь открытым в плане беспрецедентной структурно-семантической вариативности.

В заключении хотелось бы отметить, что категория посессивности, являясь одним из ключевых мест системы языка, одновременно принадлежит нескольким её фрагментам, объединяя в себе различные типы лингвистических категорий. Таким образом, при изучении феномена посессивности, в фокусе внимания исследователя оказываются центральные и периферийные средства выражения перфекта, диатезные типы результативных конструкций, лексико-грамматические корреляты глаголов обладания, их залоговые отношения, особенности падежных функций генитива, датива и аблатива и др. Вполне очевидно, что на материале языков и диалектов Пиренейского п-ва многие из этих вопросов еще только предстоит осветить.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. DU MARSAIS, C.-CH., 1769: *Les véritables principes de la grammaire*, Paris.
2. BADIA I MARGARIT, A. M., 1955: *Fisiognómica comparada de las lenguas catalana y castellana*, Barcellona.

3. KÖNIG, E., HASPELMATH, M., 1998: «Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe». *Actance et Valence dans les langues de l'Europe* / Ed. by Feuillet J., N.Y.
4. MEILLET, A., 1923: «Le développement du verbe 'avoir'». *Zeitschrift Wackernagel*. Göttingen, pp. 9 – 13.
5. ROHLFS, G., 1966-69: *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti*. Torino, Einaudi, Sec. 733.
6. SECO, M., 1986: *Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española*. Madrid, Espasa-Calpe.
7. SEIFERT, E., 1930: «Haber y tener como expresiones de la posesión en español». *Revista de Filología Española*. T. XVII, Cuaderno 3º- 4º.
8. ZELIKOV, M., 2007 : *Problemas clave de la estructura del predicado verbal simple en el español moderno* / 14 Congreso de la Asociación alemana de hispanistas «Hispanistik 2003». Regensburg, 2003, La Paz.
9. ВАЙСС, Д., 2004: «Евразийский облик посессора в современном русском языке». *Типологические обоснования в грамматике: сб. науч. ст. к 70-летию проф. В. С. Храковского*. М., Знак, сс. 99 - 118.
10. ДРУЗИНА, Н. В., 2005: *Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты*: дис. д-р. филол. наук., Саратов.
11. ЕРОФЕЕВ, В., 1998: *Пять рек жизни: роман-река*. М.
12. ЛЬВОВСКАЯ, З.Д., 1985: *Теоретические проблемы перевода*. М.
13. РЕРИХ, Ю. Н., 1961: *Тибетский язык*. М., Восточная литература.
14. СУПРУН, А.В., 1977: *Грамматика и семантика простого предложения*. М.
15. ТОПОРОВ, В. Н., 1983: «К генезису категории притяжательности». *Категория притяжательности в славянских и балканских языках*. М., Наука.